

О ФОЛЬКЛОРИЗМЕ ТВОРЧЕСТВА К. Н. БАТЮШКОВА

Взгляды К. Н. Батюшкова на фольклор и народно-поэтические элементы в его творчестве освещены недостаточно. Специальных исследований на эту тему нет. В современном литературоведении высказывания о фольклоризме Батюшкова сделаны преимущественно в связи с изучением его прозаических произведений («Предслава и Добрыня», «Вечер у Кантемира») ¹ и неосуществленных замыслов («Русалка») ². Исследователи творчества поэта отмечали незавершенность его литературного дела ³. Обзор планов и эпических замыслов Батюшкова вызвал предположение, что использование мотивов русского фольклора у него могло быть только манерно-карамзинистским, в духе «предромантических произведений с русской национальной тематикой» ⁴. Н. Фридман считает, что таким характером использования фольклора отличается стихотворение «У Волги-реченьки сидел». Это произведение он оставляет без разбора, хотя оно могло бы послужить ответом на вопрос о конкретных путях проникновения фольклора в стихотворения поэта, об идейно-художественных функциях фольклорных элементов в его лирике, о жанровых формах народного творчества, которые непосредственно повлияли на его фольклоризм.

Стихотворение «У Волги-реченьки сидел» относится к незавершенным «опытам» поэта. В стихотворении наиболее ярко сказалось стремление поэта ввести русский фольклор в свое творчество. Это произведение обнаружено среди рукописей Батюшкова и опубликовано в 1958 г. И. Голубом ⁵. Вероятно, стихотворение написано в 1813—1814 годах, в период участия Батюшкова в Отечественной войне и заграничном походе ⁶. И. Голуб отмечает, что при всей своей незавершенности найденное стихотворение представляет большую эстетическую ценность

¹ Архипова А. В. Проблема национальной самобытности в русской литературе первой четверти XIX в. (эпоха становления романтизма). — В кн.: Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.) Л., 1976, с. 47. Фридман Н. В. Проза Батюшкова. М., 1965, с. 22—35, 120. Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова. М., 1971, с. 277—279.

² Сандомирская В. Б. К. Н. Батюшков. — В кн.: История русской поэзии, т. 1. Л., 1968, с. 274.

³ Благой Д. Д. Судьба Батюшкова. — В кн.: К. Н. Батюшков. Сочинения. М.-Л., 1934, с. 8—9.

⁴ Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова. М., 1971, с. 278.

⁵ Голуб И. Неизвестное стихотворение К. Н. Батюшкова. — «Русская литература», 1958, № 4, с. 175—177.

⁶ Фридман Н. В. относит это стихотворение к 1816—1817 гг., так как, по его мнению, именно в это время Батюшков стал интересоваться фольклором. См.: Примечания. — В кн.: К. Н. Батюшков. Полн. собр. стихотворений. М.-Л., 1964, с. 307.

и несомненный научный интерес. При публикации было отмечено, что оно передает глубокое чувство любви Батюшкова к родине и тоску вдали от нее. Эта характерная для лирики Батюшкова тема здесь, что очень редко в его творчестве, воплощена поэтом в форме, близкой к народно-песенной⁷. Отмечается широкое использование поэтом народно-поэтической лексики («кручинушка», «родимая сторона», «пташки», «путем-дорогою», «в лесах дремучих»).

Наряду с ценными И. Голуб высказывает спорные замечания. Он считает, что употребление народных традиционно-поэтических формул в ряде случаев носит чисто внешний характер. Таковы, по его мнению, выражения: «У Волги-реченьки», «На волжских берегах». Употребление этих выражений противоречит содержанию стихотворения, «так как солдат, очевидно русский, тоскует на чужбине, он сражался у Дуная («Зачем, зачем река Дунай Меня не поглотила!»)⁸.

Н. Фридман придерживается иного толкования: «Батюшков хотел изобразить солдата (может быть, беглого или инвалида), который, находясь в России, пробирается в родные места. В этом смысле и надо понимать слово «родина» в стихотворении, слово же «чужбина» обозначает здесь чужую сторону в России, далекую от мест рождения и жизни героя»⁹.

При изучении фольклоризма этого стихотворения никто из авторов работ не касается его жанровых источников. В этом произведении Батюшков обратился не вообще к устно-поэтическим образам и художественным средствам, а к определенным жанрам — к солдатским военно-бытовым и балладным, к разбойничьим песням, а также к причитаниям. Обращение к мотивам этих жанров позволит выяснить своеобразие характеристики главного персонажа.

В тексте стихотворения есть указания на положение героя: солдат скитается, но он вооружен («на саблю подпираюсь») и мог бежать от тяжелой царской службы, как герой солдатской народной балладной песни «Что вились, да вились мои кудеречки».

Я полями-то бежал — все я опасался,
Я дорогами бежал — все я торопился,
Я болотами бежал — весь перемарался,
А лесами я бежал — весь я оборвался¹⁰.

В стихотворении Батюшкова солдат тоже пробирается через глухие места — леса дремучие, пески, скитается на волжских берегах. В лирическом рассказе Батюшкова о беглом солдате

⁷ Г о л у б И. Неизвестное стихотворение К. Н. Батюшкова, с. 176.

⁸ Г о л у б И. Неизвестное стихотворение К. Н. Батюшкова, с. 176.

⁹ Ф р и д м а н Н. В. Примечания. — В кн.: К. Н. Батюшков. Полн. собрание стихотворений, с. 307.

¹⁰ Этнографическое обозрение, кн. IX, 1903, № 4, с. 124.

не случайны образы Волги и волжских берегов, которые в народном творчестве символизируют вольность. Характерно, что такие образы типичны для бродяжных, бурлацких и удалых песен о беглых людях¹¹. Анализируя их сюжеты, Т. Акимова пишет, что Низовое Поволжье представлялось поработанному народу обособленной, самостоятельной областью, свободной от помещичьего гнета¹². Конечно, в стихотворении поэта Волгареченька только упомянута как место действия. Этот образ у Батюшкова не получил развернутой характеристики, как в народных песнях, не показана и зависимость героев от помогающей им реки и окружающей природы. Но это не лишает образ его фольклорного значения. На тяжелое положение беглого намекает и такая деталь: у Батюшкова солдат, видимо, опасается заснуть, чтобы не быть обнаруженным («Томись без хлеба и без сна»). Эти мотивы бесприютного скитания близки солдатским военно-бытовым песням: «Ходя наедимся, стоя выпимся»¹³. И все же мотив вольности, взятый Батюшковым из солдатских и разбойничьих песен, в стихотворении ослаблен. Основное здесь — тоска солдата по родине и семье.

Мотивы солдатских военно-бытовых песен определяют своеобразие сюжетности произведения, в основе которого лежат настроения солдата, тоскующего на чужбине по родной стороне и осиротевшей семье. Мотивы тоски-печали, разлуки солдата с родиной, семьей, смерти на чужбине, воспоминания об осиротевшем доме имеют существенное значение в солдатских военно-бытовых песнях.

Мотив песни («песенку запел») у Батюшкова опирается на весьма распространенные в солдатских военно-бытовых песнях мотивы:

Запевайте-тко вы, ребятушка, песню новую,
Мы которую вечер пели на синем мори¹⁴.

Исполнение песни обычно сопровождало боевой походный быт солдат: «Песни запоем, во поход скоро пойдем!»¹⁵; «Запоем мы, запоем, как в армейшкe живем»¹⁶. Даже выражение Батюшкова «сквозь слезы песенку унылу путем-дорогою пою» основывается на подлинно народной лексике и фольклорных мотивах. В рекрутских и солдатских причитаниях описывается, как солдаты

¹¹ А к и м о в а Т. М. Очерки истории русской народной песни. Изд-во Саратовского университета, 1977, с. 173, 182.

¹² Т а м ж е, с. 173.

¹³ Научный архив Географического общества СССР, р. XXXVI, оп. 1, № 58, л. 32, с. 60.

¹⁴ «Этнографическое обозрение», кн. LXXV, 1907, № 4, с. 121.

¹⁵ Великорусские народные песни. Изд. Соболевским А. И., т. VI, СПб. 1900, № 153, с. 123.

¹⁶ Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, РУ, кол. 160, л. 4, № 39, л. 214.

идут по городу: «И сквозь слезы поют жалку оны писенку»¹⁷. При этом путь-дорожка получает эпитет «слезлива»¹⁸. Мотив слез встречается в военно-бытовых песнях: «Ох, и что нынче за годы!»¹⁹, «Круты горы развеселы»²⁰, «Из-за леса, леса темного»²¹, «Ты крапива, моя, крапивишка жгучая!»²², «Дорожка ты моя, дороженька»²³ и других. Само пение о рекруте или солдате характеризуется как унылое: «И мое бедное уныло причитаньице»²⁴, «унылы жалки писенки»²⁵. Эпитет «унылый» в стихотворении Батюшкова не случайно соседствует со словом «кручинушка». Их близость и сочетание типичны для песенного фольклора о солдате или рекруте. Печаль, уныние, кручина в солдатских военно-бытовых песнях образуют синонимический ряд, выражающий психологическое состояние человека: «Ты печаль-ли моя кручинушка, зла мучительна тоска»²⁶. Мотивы унылой песни, солдатских слез и кручины вызваны не только душевными переживаниями солдата, но и его тяжелыми ранами:

У Волги-реченьки сидел
 В кручинушке, унылый,
 Солдат израненный и хилой²⁷.

У Батюшкова солдат «израненный», как в военно-бытовых песнях: «Ой, молодой лежит солдат да весь израненный»²⁸.

Пафос стихотворения Батюшкова основан на мотивах специфически солдатских. Чувства и мысли поэта сливаются в единое целое в образе «родимой стороны». К ней обращены все стремления солдата, хотя она для него недостижима, даром она имеет определение «далекая»:

Там, там в далекой стороне
 Ты, родина святая!²⁹

¹⁷ Причитания. Б-ка поэта. Большая серия, 2 изд. Л., 1960, с. 167

¹⁸ Там же, с. 149.

¹⁹ Великорусские народные песни. Изд. Соболевским А. И., т. VI, с. 117.

²⁰ Там же, с. 138.

²¹ Русские народные песни, собранные Шейном П. В. Песни былевые. М., 1877, с. 90.

²² Научный архив Географического общества СССР, р. XXXVI, оп.1, № 58, с. 75.

²³ Там же, п. 63, с. 100.

²⁴ Причитания. Б-ка поэта. Большая серия, 2 изд., с. 186.

²⁵ Там же, с. 191.

²⁶ Военный песенник, заключающий в себе триста военных песен. Сост. Савков Г. А. М., 1891, с. 46.

²⁷ «Русская литература», 1958, № 4, с. 175.

²⁸ Песенный фольклор Мезени. Изд. подготовили: Колпакова Н. П. Добровольский Б. М., Митрофанова В. В., Коргузалов В. В. Л., 1967, 102.

²⁹ «Русская литература», 1958, № 4, с. 175.

Мотив отдаленности вызван состоянием солдата, которому не дойти до родных мест («А я бреду насилу»), а также реальными природными препятствиями. В изображении художественного пространства песни значительную роль играет «сопротивление среды» (термин Д. Лихачева) — горы, леса, пески. Стихотворение Батюшкова ориентировано прежде всего на художественное пространство песни, которое отличается от сказочного пространства, где герой «достигает цели без усталости, дорожных неудобств, болезни, случайных, не обусловленных сюжетом попутных встреч и т. д.»³⁰. Образ гор кроме реального имеет и символическое значение. С ним связаны представления о несчастье³¹, как в солдатской военно-бытовой песне «В чистом поле, да поле, при долине»³². Родная сторона дважды противопоставлена чужой: в монологе солдата и в условном монологе его жены. Для нее эпитет «далекая» имеет противоположный смысл: это чужая страна.

Вам сердце молвит: за горами,
В стране далекой и чужой,
Знать, умер наш родной³³.

Такое противопоставление чужой и родной стороны характерно для военно-бытовых песен. В песне «Посаженная березынька» солдаты-невольнички «слезно всплакали, свою сторону вспомняли». В их воспоминаниях даны картины крестьянского благополучия, которые в эпоху крепостного права были, конечно, далеки от реальных. Но в них выражены представления тоскующих по родной стороне солдат.

Сторона наша, сторонушка.
Сторона наша родимая!
На родимой на сторонушке
У родимого у батюшки

Три поля хлебом засеяны
Огородом огорожены,
Частым дождичком споливаны,
Красным солнышком обсушены³⁴.

Антитетично нарисована картина чужой стороны с «кручиною» и «горючими слезами»³⁵.

Тоской о «своей сторонке» проникнуты переживания солдат в песнях «Как пошли наши ребята за Дунай-реку гулять»³⁶,

³⁰ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971, с. 386.

³¹ Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.-Л., 1962, с. 229.

³² Сказки, песни, частушки Вологодского края. Ред. Гура В. В. Северо-Западное кн. изд-во, 1955, с. 132.

³³ «Русская литература», 1958, № 4, с. 175.

³⁴ Песни северо-восточной России. Песни, величания и причеты. Записаны Васнецовым А. в Вятской губернии. М., 1894, с. 45.

³⁵ Там же, с. 46.

³⁶ Научный архив Географического общества СССР, р. 35, оп. 1, № 21, л. 5.

«Дорожка, ты моя дороженька»³⁷, «Не беленькая в июле березонька к земле клонится»³⁸. В стихотворении Батюшкова, как и в солдатских песнях, представление о родной стороне связано с воспоминаниями об отце, матери и жене с «малыми детушками».

Отец и мать моя родная,
Вас не увидеть боле мне
В родимой стороне³⁹.

В изображении судьбы семьи персонажа в стихотворении применен распространенный мотив солдатских песен: «малы дети сиротеют, молоды жены вдовеют»⁴⁰. При этом стиль Батюшкова отличается простотой и краткостью: «Жена останется вдовой, а дети сиротами». Но такая форма до конца не выдержана. Выражение «Вам средце молвит» вносит в строфу черты романтического стиля.

В солдатских военно-бытовых песнях думы молодца о родной сторонужке иногда передаются через образ голубки, летящей в знакомые места⁴¹. Этот традиционный фольклорный мотив Батюшков использовал в романтическом духе. Вместе с фольклорным образом пташек он вводит «паруса», «небеса», «цепь густую».

Куда летите, паруса? —
На родину святую.
Зачем вы, пташки, в цепь густую,
Зачем взвились под небеса? —
В родимые леса⁴².

Эта строфа стихотворения свидетельствует, что народность Батюшкова выступает не в фольклорных, а в литературно-преобразованных формах. Солдат горюет о «родимой стороне», но в стиле его речи она преобразуется в «родину святую», хотя в фольклоре существует иное сочетание: «святая Русь»⁴³.

В стихотворении Батюшкова важен мотив смерти. Он создает настроение обреченности и придает элегическую тональность произведению. Раздумья о смерти выражены во второй, третьей, седьмой и восьмой строфах. По народным представлениям, смерть на чужбине страшна⁴⁴. Затаенная дума солдат, выражен-

³⁷ Там же, р. 36, оп. 1, № 58, с. 100.

³⁸ Там же, р. 29, оп. 1, № 46, т. 3, л. 27—28.

³⁹ «Русская литература», 1958, № 4, с. 175.

⁴⁰ Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записали слова Истомина Ф. М., напевы Ляпов С. М. СПб., 1899, с. 244.

⁴¹ Народные лирические песни. Вст. ст., под-ка текста и прим. Проппа В. Б.-ка поэта. Большая сер., 2 изд. М.-Л., 1961, с. 175.

⁴² «Русская литература», 1958, № 4, с. 175.

⁴³ Народные лирические песни. Вст. ст., под-ка текста и примеч. Проппа В. Я., с. 429, 459.

⁴⁴ Акимова Т. М. Очерки истории русской народной песни. Изд-во Саратовского университета, 1977, с. 39, 36.

ная в военно-бытовых песнях,— «на своей сторонешке голову положить»⁴⁵. Очевидно, что мотив смерти опирается на фольклорные источники.

О, смерть в боях не так страшна,
Как страннику в чужбине.

И. Голуб, учитывая исправления в рукописи Батюшкова («Ты смерть» на «О, смерть»), приходит к выводу, что в процессе стилистической обработки народно-песенный колорит постепенно растворяется в сентиментально-романтических красках⁴⁶. Это положение представляется слишком категоричным. Нельзя также согласиться с мнением, что в конце стихотворения песенный склад подменяется элегическим тоном. В последней строфе элегии фольклорны и образ Дуная из солдатских песен⁴⁷ и сетование, что река не поглотила молодца, а пуля ему изменила. В военно-бытовой песне «Еще слушай же, родитель моя матушка», близкой к причитаниям, избитые начальником солдаты поют:

И мы желанных вас родителей проклянем,
И вы зачем да нас, несчастных, спородили⁴⁸.

Разлука солдата с родной стороной, его горькая участь делают естественным желание смерти. Однако все эти мотивы и образы лишены у Батюшкова того яркого социального смысла, который они имеют в народных песнях, раскрывающих противоречия русской действительности XVIII—XIX вв. Но было бы неправильным в герое элегии видеть лишь «странника в пустыне», охарактеризованного преимущественно романтическими красками. Образ героя из народной среды — солдата стал близок Батюшкову, знакомые ему основные мотивы и художественные особенности солдатских песен он попытался ввести в свою поэтическую систему.

Вполне естественно, что народность и связь с фольклорными традициями проявились в элегии, в основном жанре его творчества, в котором он достиг художественного совершенства. Жанровые особенности стихотворения Батюшкова «У Волги-реченьки сидел» способствовали проникновению в него фольклорных элементов преимущественно из солдатских военно-бытовых песен, преобладающим тоном которых является грусть. Это не исключало влияния солдатских балладных песен, солдатских и

⁴⁵ Сказки и песни Вологодской области. Под ред. Померанцевой Э. В. и Викулова С. В., Вологда, 1955, с. 177.

⁴⁶ Г о л у б И. Неизвестное стихотворение К. Н. Батюшкова, с. 177.

⁴⁷ Народные лирические песни. Вст. ст., под-ка текст. и примеч. Проппа В. Я., с. 455. Научный архив Географического общества СССР, р. 29, оп. 1, № 46, т. 3, л. 28.

⁴⁸ Народные лирические песни. Вст. ст., под-ка текста и примеч. Проппа В. Я., с. 452.

рекрутских причитаний и разбойничьих песен. Известно, что жанр элегии получил широкое распространение в русской литературе первой трети XIX в. Как пишет М. Залесский, одним из ведущих мотивов элегической лирики периода Отечественной войны 1812 г. становится мотив тоски по родине русского человека ⁴⁹. К таким произведениям исследователь относит «Возвращение в деревню» И. Иванчина-Писарева, стихотворение «Родина» А. Родзянко, «Русский пленник в стенах Парижа» П. Вяземского. Среди элегий это стихотворение Батюшкова занимает особое место. Оно глубоко и целенаправленно ориентировано на фольклор. Однако незавершенность стихотворения не позволяет говорить об его стилистическом единстве.